

Мифы о причинах и следствиях большевистской революции

О книге Йоханнеса Рогаллы фон Биберштейна „*Jüdischer Bolschewismus*“. *Mythos und Realität* [„Еврейский большевизм“. Миф и реальность]. С предисловием Эрнста Нольте. Изд. «Антей» Дрезден 2002.

15 ноября 1879 года Генрих фон Трейтчке писал в статье «Наши перспективы»: «Ныне раздаётся единодушный глас: Евреи – это наше несчастье!». Этим заявлением известный учёный в значительной степени поспособствовал тому, чтобы придать антисемитизму видимость приличия. «Респектабельность» Трейтчке, казалось, сообщала распространённым в то время антиеврейским мифам своего рода дополнительное правдоподобие, например, мифу о «еврейской прессе», якобы разлагающей нравственность, или мифу о «еврейских богохульниках», подбивающих якобы благочестивых христиан отказаться от их традиционной веры, или же, наконец, легенде об «еврейском социализме», подстрекающем будто бы «верноподданные» социальные низы к борьбе против сословных привилегий и социальной несправедливости. После 1917 года наряду с мифом о «еврейской» социал-демократии возник и миф об «еврейском» большевизме. Несмотря на то, что социал-демократы решительно выступали за права рабочих, большевики же как раз лишили рабочих их прав и непримиримо боролись с социал-демократами, многие антисемиты зачислили оба движения в одну категорию – «еврейских».

Какое отношение имеют все эти клише к реальности? Этот вопрос и является предметом исследования рецензируемой работы.

Пытается ли автор распутать этот клубок из предрассудков, зависти и враждебности? Ни в малейшей мере. По сути дела, он преследует прямо противоположную цель. Он пытается доказать, что мифы о «еврейском» социализме, атеизме и большевизме вовсе не являются мифами; по его мнению они в общем и целом соответствуют действительности.

Автор открывает свои рассуждения сомнительными попытками доказать свою чуть ли не филосемитскую установку. Чтобы показать, сколь дифференцированным было отношение к евреям в той среде, из которой он сам происходит, он опирается на следующее высказывание Якоба фон Юксюлла: На благочестивого и соблюдающего законы еврея можно и сегодня положиться, остерегаться следует неверующего, отколовшегося от веры предков еврея. После чего автор находит даже нужным упомянуть, что двоюродный брат его матери был женат на полуеврейке.

После всех этих в высшей степени курьезных предварительных замечаний автор переходит к собственно «анализу», и здесь изумленный читатель узнает, что в секуляризации западного мира в первую очередь повинны «еврейские богохульники», чьи враждебные по отношению к церкви высказывания автор неоднократно цитирует. То обстоятельство, что бесчисленные христиане отошли от церкви без всякого участия евреев и причем еще в то время, когда евреи никак не влияли на внутренние христианские распри, остается в этой книге без внимания.

«Анализируя» миф о «еврейском социализме» автор также искажает историческую реальность. Так, он пытается свести обострение конфликта между промышленным пролетариатом и классами собственников в первую очередь к воздействию «мессиански» настроенных социалистов еврейского происхождения. На самом деле он безмерно преувеличивает роль евреев в возникновении рабочего вопроса, являвшегося независимо от евреев наиболее взрывоопасным социальным вопросом Западной и Центральной Европы 19-го века.

Верно, что многие евреи, поколениями борющиеся за собственное равноправие, отличались особенной чувствительностью в отношении угнетений любого рода. Однако за права рабочих они боролись бок о бок с бесчисленными христианами. Кроме того, не следует забывать, что в этой борьбе много евреев стояло и по другую, капиталистическую сторону баррикады.

Впрочем, автор отнюдь не довольствуется «разоблачением» еврейских корней секуляризации и социал-демократии. Он преследует куда более честолюбивую цель – найти «рациональное» обоснование холокосту, который, по его мнению, тесно связан с «мифом» о «еврейском большевизме». С тезисом Клода Ланцмана, согласно которому вопрос «почему?» применительно к холокосту кощунственен, автор не соглашается.

Поэтому он направляет свое внимание на очевидно мало знакомую ему область, на русскую историю, в частности на историю русской революции – здесь, по его мнению, спрятан «ключ» к «рациональному» объяснению национал-социалистического убийства евреев.

В поисках причин русской революции автор в основном опирается на идеи, распространенные в русских правых кругах, вновь и вновь пытающихся «дерусифицировать» русскую революцию. Революция оказывается в их глазах результатом заговора вражеских государств и нерусских народов в составе Российской империи, в первую очередь евреев. Это они, якобы, отравили преданный государю и глубоко верующий русский народ своей революционной пропагандой и возмутили его против власть предержащих.

В действительности все было гораздо сложнее. Драма разыгралась в первую очередь внутри самого русского коренного населения, и ее пролог приходится на ту эпоху, когда подавляющее большинство евреев еще было заперто в так называемой «черте оседлости» и почти не участвовало в процессах, происходивших вообще в России. «Сто лет русское общество грозило монархии революцией» пи-

сал в 1927 году Марк Алданов. «Быть может Николай и не верил предупреждениям оттого, что их было так много.»¹

Уже восстание декабристов обнаружило глубину пропасти между наиболее активными частями образованных сословий и царским режимом. В течение девятнадцатого века эта пропасть постоянно расширялась. В начале 20-го столетия на этот путь, по которому до тех пор шла лишь европеизированная элита, вступили и низшие слои общества. В них тоже поколебалась вера в царя, и возникший вакуум был заполнен почти религиозной верой в целительную силу революции. Не от царя, но от революции большинство русского крестьянства ожидало теперь устранения всех социальных несправедливостей, и прежде всего решения земельного вопроса. На выборах в Первую, особенно же во Вторую Государственную Думу (1906 и 1907 гг.) русские крестьяне, якобы преданные царю, почти единогласно проголосовали за революционные, а вовсе не за консервативные партии. Вот так, значит, выглядит хваленая консервативность русского крестьянства, издевался в то время премьер-министр Сергей Витте, в отличие от своих коллег по кабинету не питавший иллюзий в отношении преданности царю русских низших сословий. Именно в это время русские евреи, в течение поколений ведущие обособленное существование, начали интегрироваться в русское общество. Это общество было взбудоражено, охвачено революционным брожением, охранительные силы почти не находили в нем опоры и боролись, в общем, за уже безнадежное дело. Многие евреи, как и представители других нерусских народностей, почти неизбежным образом оказались втянуты в это брожение, охвачены оппозиционными настроениями господствовавшими в стране.

То обстоятельство, что большая часть русского общества в начале 20-го века находилась в революционном угаре, почти не отражено в рецензируемой книге. Автор в основном сосредотачивает свои усилия на поисках еврейских корней русской революции, эти поиски становятся его навязчивой идеей. Если ему не удастся вскрыть еврейское происхождение того или иного ведущего революционера, он приводит в доказательство «еврейского мировоззрения» этого революционера то обстоятельство, что он был женат на еврейке – как, например, один из основателей российской социал-демократии Георгий Плеханов. У тех же революционеров, по отношению к которым и это доказательство не срабатывает, он отыскивает дальних родственников-евреев, чтобы таким образом объяснить их несогласие с царским режимом.

Так, он всерьез объясняет осуждение Лениным еврейских погромов тем обстоятельством, что дед Ленина был еврей, крещенный еще в детстве. Как если бы для осуждения еврейских погромов обязательно нужен был еврейский дедушка.

Как правильно отмечает автор, партийные функционеры еврейского происхождения играли важную роль как в большевистском, так и в антибольшевистском

¹ Цит. по: Московские новости. 27 сентября 1992. С. 21.

революционном лагере (меньшевики, эсеры и др.). Почему же он в таком случае сосредотачивает свое внимание прежде всего на деятельности «еврейских большевиков», а деятельность их многочисленных противников-евреев практически, за некоторыми исключениями, не рассматривает? Почему он не тематизирует тот факт, что в советских органах террора при Ленине было непропорционально большое количество латышей, а в конце сталинской эпохи – грузин? Ответ на этот вопрос относительно прост. Мыслительный конструкт под названием «еврейский большевизм» весьма полезен ему в его поисках «рационального» объяснения холокоста, с помощью же «латышских» или «грузинских чекистов» обосновать свою псевдотеорию он не может. Таким образом круг замыкается, и приведенное в начале этой рецензии высказывание Трейтчке «Евреи – это наше несчастье» обретает в связи с тематикой этой книги исключительную релевантность. Не следует забывать, что Трейтчке написал эту фразу за 38 лет до большевистской революции, когда евреев еще невозможно было обвинить в причастности к какому бы то ни было террористическому режиму.

То же относится и к рассуждениям Хьюстона Стюарта Чемберлена, который уже в 1899 году, в своих «Основах 19го века», предложил «окончательное решение» еврейского вопроса, почему Гитлер и Геббельс и считали его своим предшественником. Древний Рим, «решивший» «финикийский вопрос» путем разрушения Карфагена, вызывает у него восхищение:

«Если бы финикийский народ не был уничтожен, ... человечество никогда не имело бы этого 19 столетия, на которое мы теперь, при всем смиренном сознании наших слабостей... оглядываемся с гордостью. При ни с чем не сравнимой живучести семитов, достаточно было бы малейшего проявления милосердия – и финикийская нация бы воскресла. ... В евреях мы видим другую и не менее опасную разновидность этого яда, разъедающего все благородное и творческое. Только слепец или лицемер откажется признать, что проблема еврейства среди нас относится к сложнейшим и опаснейшим проблемам современности.»²

Способ решения этой «сложной проблемы» косвенно намечается Чемберленом. Не случайно говорит он так подробно о судьбе Карфагена. Суровость Рима импонирует ему гораздо больше, чем наивное с его точки зрения великодушие современных европейцев.

Программа Чемберлена, по сути дела сводящаяся к уничтожению евреев, была сформулирована за 18 лет до захвата власти большевиками. Таким образом Чемберлен, как и Трейтчке, не мог обосновать свою демонизацию евреев тем, что они несут ответственность за установление тоталитарного режима. Он упрекал их лишь в пропаганде якобы антигерманских, или просто чуждых германской расе идей. Биберштейн же, что не лишено пикантности, превозносит Чемберлена

² Chamberlain H.S. Die Grundlagen des Neunzehnten Jahrhunderts. Muenchen o.J. T. 1. P. 162-163.

как пророка, предупреждавшего об опасностях, которые несет с собой деятельность «еврейских атеистов».

Высказывания Трейтчке, Чемберлена, как и многих их единомышленников, показывают, что миф о «еврейском большевизме» непригоден для объяснения холокоста. Ненависть к евреям почти никогда не бывает связана с конкретными действиями самих евреев. Действия объекта ненависти, как правило, используются лишь выборочно для оправдания уже существующих клише.

В противоположность утверждениям автора, как и тезисам его наставника Эрнста Нольте, в своем предисловии осыпающего похвалами сей сомнительный труд, уничтожение евреев национал-социалистами было не реакцией, но акцией, самостоятельным действием нацистского режима. «Третий Рейх» лишь осуществил мечты многочисленных антисемитов об уничтожении евреев – мечты, которые возникли задолго до большевистской революции.

Однако чтобы холокост из теории стал практикой, нужна была атмосфера массового психоза, характерная для «эпохи крайностей» (Э. Хобсбом), эпохи, начатой «пракатастрофой 20-го столетия» (Дж. Ф. Кеннан) – первой мировой войной. Сложившийся в течение многих столетий под воздействием Ветхого и Нового Завета европейский образ человека погиб в оргиях большевистского и национал-социалистического насилия. Архипелаг Гулаг и Освенцим явились следствием этой цивилизационной катастрофы.

Россия и Германия оказались в центре этого разрушительного восстания против традиционных европейских ценностей, однако его влияние распространилось на весь европейский континент и за его пределы. Бесчисленные не-немцы и не-русские были заморожены нацистскими и большевистскими планами создания «расово-чистого» или же «бесклассового» общества. Второе обладало исключительной притягательностью и для многих евреев, о чем подробно говорится в рецензируемой книге. Однако и многочисленные французы, итальянцы, чехи, испанцы и представители других национальностей были охвачены ленинистским или сталинистским безумием, точно также как миллионы немцев поддались безумию гитлеризма.

Насколько характерной, однако, была вера в спасительные силы коммунистической идеи для еврейского населения как такового? Этот в высшей степени сложный вопрос занимает и нашего автора, как, кстати, и вопрос о том, в какой мере немцы поддерживали национал-социализм. Он решительно протестует против тезиса об ответственности немцев как нации за преступления национал-социалистов и установление нацистского режима. И в самом деле, до тех пор, пока у немцев еще была возможность свободного выбора, свободного голосования, нацисты ни разу не получили поддержки большинства населения. Своего самого крупного успеха на свободных выборах они добились 31-го июля 1932 года, когда за них проголосовало примерно 37 процентов избирателей. На период после захвата власти национал-социалистами уже, разумеется, нет надежных цифр, которые могли бы показать степень поддержки режима населением. Настоящие вы-

боры или, например, опросы уже не проводились. Себастьян Хаффнер считает, что, к примеру, в 1938 году большинство населения поддерживало правительство. Можно предположить, что после неожиданной победы над Францией в мае-июне 1940 г. эта цифра еще возросла. Однако все эти данные основываются в сущности на предположениях.

А как обстояло дело с поддержкой евреями большевизма и коммунизма? Тот факт, что в руководстве многих компартий было непропорционально большое количество евреев, автор рассматривает как доказательство своего тезиса, согласно которому большевизм в своей сущности имеет «еврейские» черты. Однако достаточно ли этого «доказательства» для подобных обобщений? Оставаясь последовательным, автор должен был бы объявить «еврейскими» также и банковское дело или такие научные дисциплины, как теоретическая физика или психоанализ, поскольку и в них евреи играли непропорционально большую роль. И наконец, не следует забывать, что число немцев в национал-социалистическом руководстве было все-таки значительно больше, чем число евреев в руководстве коммунистических партий. Тем не менее, автор решительно возражает против тезиса о том, что национал-социализм это типично немецкий феномен. Столь же дифференцированный подход к понятию «еврейский большевизм» в книге, за немногими исключениями, отсутствует.

Насколько популярен был коммунизм среди еврейского населения в действительности? Точный, основанный на конкретных цифрах ответ на этот вопрос чрезвычайно труден, поскольку до 1948 у евреев не было собственного государства. Выяснить, сколько евреев голосовало за коммунистические партии в странах еврейской диаспоры, не легко. Лишь после основания государства Израиль ситуация изменилась; начиная с этого момента мы можем оперировать достоверными цифрами. Как же выглядят эти цифры? На первых выборах в кнессет в январе 1949 года израильская компартия получила меньше 4 % голосов. И это несмотря на то чувство благодарности, которое многие евреи испытывали по отношению к Советскому Союзу после победы над «Третьим Рейхом», а также за ту поддержку, которую СССР оказывал государству Израиль в период его основания.

Об этих неутешительных для коммунистов результатах израильских выборов в книге не сказано не слова. В самом деле, упоминание о них подорвало бы основной тезис книги, согласно которому большевизм это преимущественно еврейский феномен. Из этого также видно, что рецензируемая работа представляет собой не основательное научное исследование, а, по существу, тенденциозный памфлет.

(Перевод: Алексей Рыбаков)